

ЕВГЕНИЙ
РАХИМКУЛОВ

Лапа на счастье

Евгений Рахимкулов

Лапа на счастье

«Издательские решения»

Рахимкулов Е.

Лапа на счастье / Е. Рахимкулов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832796-4

Вы когда-нибудь задумывались, о чём мечтает бродячая собака? А почему ваш кот упорно продолжает гадить вам в тапочки? «Лапа на счастье» — это рассказы об отношениях людей и животных. Все собранные в книге истории непохожи друг на друга. Иногда они смешные и трогательные, а иногда поучительные и грустные, как и сама жизнь зверей и людей. Книга адресована детям и взрослым.

ISBN 978-5-44-832796-4

© Рахимкулов Е.
© Издательские решения

Содержание

Жирафчик	6
Лапа на счастье	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Лапа на счастье

Евгений Рахимкулов

© Евгений Рахимкулов, 2016

© Анастасия Рахимкулова, дизайн обложки, 2016

© Анастасия Рахимкулова, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-2796-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Жирафчик

В детстве у меня никогда не было попугая. Даже маленького, волнистого. А как хотелось! Не собаку, не кошку, не черепаху, не хомячка, а именно попугая. Чтобы он кувыркался на жёрдочке, кривлялся перед зеркалом и разговаривал.

И вот я, бородатый дядька, стоял тёплым сентябрьским вечером посреди зоомагазина и разглядывал попугаев всех цветов и пород. И чем дольше я их разглядывал, тем больше думал о том, что если бы мне в детстве кто-нибудь подарил попугая, я был бы безмерно счастлив. Думал я об этом неспроста. Сашке, моему сыну, сегодня исполнилось пять лет. И я решил, что если он вместо машинки или пистолета получит в подарок живого попугая, то, наверное, тоже очень обрадуется.

Какого же взять? Может, красного, с хохолком? Или того синего, без хохолка, но очень громкого? Я долго выбирал, стоя у клеток с птицами. И остановился в итоге на маленьком жёлтом с чёрными точками на крыльях и хвосте и белым пятном на груди. Этот попугай сидел в углу большой клетки чуть в стороне от остальных. Он время от времени пощёлкивал клювом и смешно вытягивал шею, словно думал, что он и не попугай вовсе, а какой-нибудь жираф.

Окрас попугая тоже слегка напоминал жирафа. И за эту расцветку и вытянутую шею мы в семье дружно прозвали его Жирафчиком.

Подарок мой попал не в бровь, а в глаз. И глаз у Сашки, а точнее, оба глаза, когда он схватил клетку с попугаем, заблестели тем самым безмерным счастьем, каким, наверняка, заблестели бы и мои глаза, если бы кто-нибудь в детстве подарил мне попугая.

Сашку теперь оторвать нельзя было от клетки с Жирафчиком. Целыми днями он кормил его, чесал ему соломинкой перья, подвешивал в клетку игрушки, учил разговаривать.

– Скажи: Жи-раф-чик, Жи-раф-чик, – старательно выговаривал Сашка, сидя перед клеткой.

А попугай в ответ.

– Чик-чик-чик!

– Пап! Он уже конец своего имени выучил!

– Молодец! Тренируй дальше, – сдержанно похвалю я сына.

А сам-то радуюсь не меньше. Попугай! Наш! Настоящий! А вдруг и в самом деле заговорит! Но чувства свои скрываю.

Сашка тренировал Жирафчика почти полгода. Но кроме «чик-чик-чик», попугай больше ничего так и не выучил. Сашка не терял надежды и пытался учить его всё новым и новым словам.

Как-то вечером возился он с Жирафчиком и вдруг спросит меня.

– Пап!

– Чего?

– А попугай – это же птица?

– Конечно, птица.

Сашка задумался и почесал затылок.

– Пап!

– Что?

– Так ведь птицы-то летать должны.

– Должны, – согласился я.

– А наш Жирафчик только по клетке скачет. Ему, наверное, очень полетать хочется. Может, он от того, что не летает, грустит. Выпустим его немного полетать, а?

– Ну, давай, выпустим.

Когда мы открыли дверцу, попугай испуганно забился в угол клетки. Там он сидел минуты две или три, вытягивая шею и сердито чирикавая. Но вот любопытство взяло верх над страхом. Жирафчик подскочил к выходу и стукнул клювом по крайним прутикам. И тут же отскочил.

Так он повторил ещё пару раз. А потом – скок и выпрыгнул из клетки. Прищурился, посмотрел направо, налево, раз – и уже на люстре, два – и уже на диване!

– Летает! Летает! – закричал сын.

С тех пор мы каждый день выпускали Жирафчика полетать.

Прошло ещё несколько месяцев. Наступила весна. Мы всё чаще приносили себя в жертву на дачном участке и всё реже занимались телепоклонничеством. Но телевизор временами всё же съедал час-другой нашего времени. Так было и в ту пятницу. Мы с женой устроились перед экраном. А Сашка... Он не променял бы Жирафчика и на тысячу телевизоров сразу. Конечно же, он возился у себя в комнате с попугаем.

Я уже не помню, какой был фильм, помню только, что в телевизоре вдруг закричали. Закричали не от боли, не от страха, а от горькой обиды, отчаянно, высоким голосом, совсем по-детски.

Когда я ещё только сообразил, что вопят не в телевизоре, а у нас дома, жена уже была на полпути к комнате сына. Я – за ней.

На полу весь в слезах сидел Сашка. На подоконнике стояла пустая клетка. А распахнутая настежь форточка лучше всяких слов объясняла, что произошло. И я подумал, что если бы в детстве кто-нибудь подарил мне попугая, а он потом улетел в форточку, я бы, наверное, вопил и плакал не меньше Сашки.

Конечно же, мы искали Жирафчика. Но разве найдёшь попугая в огромном городе? Мы ждали, что он сам вернётся, и каждый день выставляли на окошко блюдце с пшеном и семечками. Семечки пользовались хорошим спросом у голубей, и подоконник, а нередко и стол возле окна, ежедневно покрывались птичьим помётом. Мы готовы были терпеть эти неудобства, лишь бы Жирафчик вернулся. Но он так и не прилетел.

Это была первая потеря в жизни Сашки, и переживал он её тяжело. Мы, как могли, старались утешить сына.

– Понимаешь, – успокаивал я его, – это даже хорошо, что Жирафчик улетел. Вот, представь, если бы тебя кто-нибудь поймал и держал в клетке, без папы, без мамы, тебе, наверное, не понравилось бы. Так?

Сашка сквозь слезы тряс головой.

– Ну, вот и Жирафчику было очень тоскливо в клетке. А теперь он на свободе. Ты же его любишь, не так ли?

И Сашка кивал в ответ.

– И я тоже его люблю. И мы должны радоваться, что он теперь свободен. Он полетел к себе на родину, в Африку. Там он встретит других попугаев, своих маму и папу. И он будет рассказывать им о том, как жил у доброго мальчика Саши, как этот мальчик заботился о нём и разрешил ему улететь домой. Ну, разве ты не рад за него?

Сашка тяжело вздыхал, шмыгал носом и, в конце концов, говорил, что рад.

Сам-то я переживал ещё больше Сашки, потому что знал: Жирафчик вряд ли выживет в городе, как и вряд ли доберётся до своей жаркой родины... Но я не хотел расстраивать сына, и ничего не сказал ему об этом.

Не знаю, кого я больше успокаивал, себя или Сашку. Но похоже, мои рассказы об Африке и других попугаях на него подействовали. Он вскоре снова повеселел, и разговоры о Жирафчике как-то сами собой прекратились.

Высокий тополь за окном тряхнул шевелюрой, и сухие листья перхотью посыпались на крышу дома напротив. Снова приближался сентябрь. И это значило, что сын мой стал на год старше, ну, а я сам, соответственно, на год старше.

Я не спрашивал, что подарить ему на день рождения. Каким будет подарок, я уже решил давно.

Снова зоомагазин, и снова попугаи. Красные и зелёные, с хохолками и без хохолков, большие и маленькие, крикливые и неразговорчивые. Но жёлтого в чёрную крапинку среди них не оказалось. Я обошёл ещё три магазина, пока не нашёл такого, какой был нужен. Вот он! Забился в угол клетки. И пятно на груди точь-в-точь такое же. И мне даже показалось, что этот попугай тоже всё время вытягивает шею – ну, точно, Жирафчик!

Домой я вернулся уже под вечер.

– Папа! Папа пришёл! – Сашка встретил меня на пороге.

Я потрепал его одной рукой по голове. Вторую с клеткой держал пока за полуоткрытой дверью. Сын сразу догадался, что я что-то прячу от него.

– Что там? Что там? Покажи!

– А я сегодня не один, – сказал я. – Смотри-ка, кто прилетел к тебе из Африки.

И я вручил ему клетку с попугаем.

– Да это же Жирафчик! – воскликнула жена.

Сашка радостно схватил клетку. Но мне показалось, что радость его была какой-то неполной. Не было уже того блеска в глазах, как год назад, когда он получил первого попугая.

Мы поставили клетку со вторым Жирафчиком туда же, где раньше жил первый. Сашка тут же засуетился возле него, принёс корма, засунул в клетку зеркальце, заговорил с ним. Вот и всё, словно никуда и не улетал наш Жирафчик.

Мы с женой вышли на кухню, ненадолго оставив сына наедине с попугаем.

В кастрюле булькали пельмени, уютно сопел чайник.

Я опустился за стол и подпёр голову рукой. Перед моими глазами встал Сашка. Он тут, совсем рядом, за стенкой. Я представил, как он сидит перед Жирафчиком, чешет ему соломинкой перья и учит говорить: «Скажи: Жи-раф-чик, Жи-раф-чик». И я подумал, что я очень хороший отец и всё сделал правильно. И ещё я подумал, что Сашка должен быть безмерно счастлив, как был бы счастлив я, если бы ко мне в детстве из самой Африки вернулся мой любимый попугай. И Сашка, конечно же, счастлив. Он очень счастлив. Иначе и быть не может. Но почему же не было в его глазах прошлогоднего блеска, того самого блеска безмерного счастья?

Жена накрывала на стол. Оливье, торт, маринованная селёдка. Я очень люблю маринованную селёдку. И Сашка тоже любит. Больше даже, чем торт.

Пельмени всё ещё булькали. Жена поставила на стол большую вазу с грушами и задумалась. И я был уверен, что думает она о том же, о чём и я.

– Давай, заглянем... как там они, – сказала вдруг она.

И если бы она этого не предложила, я бы, наверное, сам предложил.

Мы вышли из кухни и потихоньку заглянули в комнату сына. Он стоял к нам спиной возле окна. Свежий осенний воздух врвался в форточку. А ведь, когда мы уходили отсюда, она была закрыта.

Сашка, словно почувствовав, что мы смотрим на него, обернулся. И я увидел, что клетка пуста. Но лицо сына не было заплаканным, как в прошлый раз.

– Он улетел, – сказал он. – В Африку. К своим маме и папе.

И тут я снова увидел его – тот самый блеск, который появился в его глазах год назад, когда я первый раз подарил ему Жирафчика.

Лапа на счастье

Большой лохматый пёс бродил по вокзалу. В сумерках фонари за стеклом напоминали далёкие светила, а едва различимые из-за сгущавшейся тьмы гигантские туши составов, с грохотом и скрипом проползавшие мимо, казались какими-то инопланетными монстрами. И чудилось, будто тёплое и светлое здание вокзала, противостоящее окружающей его тьме, – это космический корабль, путешествующий где-то в неведомых мирах.

Впрочем, пёс, случайным образом пробравшийся с улицы внутрь, не думал о далёких галактиках. Он думал о том, чего бы пожрать. Желудок бунтовал, требуя хоть какого-нибудь подношения. Целый водопад слюны извергался из голодной пасти сквозь пороги жёлтых зубов и стекал по грязной слипшейся шерсти груди.

У пса не было милой симпатичной мордашки, с которой так удобно выпрашивать угощение у сердобольных прохожих. Уродливая голова, большие кривые клыки, грязные свалевшиеся лохмы шерсти, внушительные размеры и вонь, всегда сопутствовавшая ему, не располагали к себе и лишали пса почти малейших шансов на подачку. Он привык рассчитывать только на себя. Обежав две-три переполненные урны и не учуяв в них ничего съестного, он уверенно засеменял меж рядов сидений, высматривая и вынюхивая, не заваялось ли где чего. Он не впервые промышлял на вокзале. Где люди – там и пища. Это он хорошо знал. А ещё он знал, что очень скоро его выпроводят отсюда. А значит, надо успеть всё хорошенько разведать.

Люди неприятно морщились, когда он пробежал мимо. Иные инстинктивно отодвигались, чтобы он не задел их слюнявой мордой.

– Кыш! Брысь! Брысь, говорю! – завопила толстая тётка, когда пёс, видно, учуяв что-то, ткнулся в её сумку. – Кто собаку пустил? Бешеная! Где начальство?

Начальство не отзывалось.

– Да уймись, ты! Сама бешеная, – лениво проворчал бугай с красным лицом, которого этот вопль вывел из приятной дрёмы. – Эй, Тузик! Лапу дай! Дай лапу, кому говорю!

Пёс, понимая, что обращаются к нему, осторожно втянул запах, шедший от человека. И если бы не перегар, перекрывавший всё остальное, он бы смог уловить, что от бугая пахнет ещё копчёной колбасой, чёрным хлебом и въевшимся в одежду машинным маслом.

Бугай слегка поддел носком ботинка лапу пса.

– Подымай! Подымай, морда! Дай лапу!

Пёс заворчал и осторожно попятился назад.

– Рычит! Рычит как! Слышите? Бешеная! – снова завопила тётка. – Сейчас набросится!

Пёс не понимал её, но зато помнил, что всегда лучше держаться подальше от того места, где кричат. Он поджал хвост и побежал по другому ряду.

– Циркач, блин! – усмехнувшись, проворчал седой мужчина в очках, наблюдавший, как бугай заставлял пса дать лапу. – Так он тебе и даст!

Сам он жевал бутерброд с колбасой, прихлёбывая время от времени горячий чай из термоса. Пёс уловил запах от бутерброда и в нерешительности остановился неподалёку.

Седой мужчина посмотрел на него и снова усмехнулся. Наверное, он всё в этой жизни делал усмехаясь.

– Держи, слюнявый! Помни мою доброту!

Он кинул ему остатки бутерброда. Пёс сперва испуганно отскочил, но потом, разобрав, что это еда, а не камень, вмиг подмёл бутерброд с пола. Облизнувшись, он уселся рядом, косясь на седого бурым глазом: а вдруг ещё даст.

Бутербродов у седого больше не было, зато у него вдруг тоже возникло желание позаигрывать с дворнягой. И он в третий раз усмехнулся.

– Дай лапу! Эй, слюнявый, дай лапу! Ну, дай ты! Я ж тебя накормил!

Пёс вытянул морду и ловил запахи от седого, отчаянно шевеля бровями. Пахло по-прежнему колбасой, только вот самой колбасы уже не было.

– Циркач! – презрительно раздалось в этот раз уже в адрес седого. – Артемона нашёл! Он же тупой, бродячий! Какая там лапа?!

Сосед седого фыркнул и вновь уткнулся в газету. Седой недовольно посмотрел на него. В этот раз он почему-то не усмехнулся.

– Чего вы там с собакой сюсюкаете?! Выгоните лучше! – снова завопила толстая тётка. Ей никто не ответил.

В углу, даже не на скамейке, хотя свободных мест и было достаточно, а на своём собственном полинялом рюкзаке сидел, прислонившись к стене мальчик лет десяти или чуть больше. На самом деле ему было тринадцать, но он выглядел мельче своих сверстников, поскольку редко ел досыта. Тусклые жёлтые глаза неподвижно смотрели на такие же тусклые жёлтые светильники под потолком. Тонкие губы были слегка приоткрыты. Грязную щёку пересекала

недавняя царапина с запёкшейся корочкой крови. Хотя было уже почти по-летнему тепло, на нём была накинута драная синтепоновая куртка, когда-то, очевидно, красного, а теперь примерно того же грязного цвета, что и свалявшаяся шерсть бродячего пса, бегавшего по вокзалу. Куртку он решил не бросать, потому что, когда понадобится, другую достать будет непросто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.